

Девятилетний сын Веры заболел. Колет сердце. В Голубове ничего не видят на обследовании.

«Я говорю им, дайте мне направление в город. Мне что, эти круги, дорогу эту, мотать, ребенка мучить? Я говорю, ладно я, а ему-то. Спрыгнет с этого уазика в грязь, и в слезы. Ну чисто плотный. Что-что, а к чистоте я так уж не приучала. Я говорю, бабу себе найдешь, она будет целыми днями тебя только обстирывать. Вот утром идет он в школу – не дай бог у него пылинки на туфлях. Утром идет в баню, нетопленную, там вода холодная, отмоет, он там отковыряет, щеткой отшоркает, но лишь бы только чистый был. Он даже носки два дня поносит, все, он их потом не оденет. Он говорит, это че? Ну вот же, Ваня, позавчера носки тебе выстирала. Он говорит, ты что, мама, хочешь сказать, что я приду в школу, сниму кроссовки, у меня будет вонять? Ой, чистюля, вообще. Я говорю, двоих родила, никак на меня не похожи. Ну только вот глазами. Что глаза карие».

«А что, у Саши (мужа) серо-голубые глаза, да?»

Вера смотрит на меня и открывает мне, что Саша – не отец Вериного сына Ивана. И дочери Светы не отец.

«Сидит вот его папаша сейчас. Мы-то с ним как расстались? Я, получается, уже после Вани была беременная от него. И он приезжает с вахты, оттудова, с Чичкова, я ему показываю тест. И говорю, друг ситцевый, че? Рожаем – или ликвидируем? Он говорит, это не мое. Ну, не твое так не твое, я способы знаю. Сама с этим делом справляюсь, без врачей».

«Сама справляешься? Как?»

«Запариваешь лавровик – лавровый лист. Густо. Пьешь. Подымаешь тяжелое че-нибудь. Чурки листовые».

Норму-то я, конечно, не знаю, у нас девчонка тут была, она лавровика обпилась, у нее кровотечение открылось. Тяжелое поднимаешь – все вылетат. Ну мне-то, правда, извини за выражение, Саша таких люлей ввалил. Ну мы уже с ним шухарили, он знал, что у меня уже три месяца. И он утром заходит, а я валяюсь. У меня – с меня летит».

«Упала?»

«Ну, боли-то какие. Потуги-то начались, вот это все начало выходить. И я, получатся, тут катошуся по полу на кухне. Ну, чувствую, что она вроде бы вышла, но боли такие, что невозможно, в пояснице, я катошилась, катошилась. Он говорит, че, все-таки сделала? Я же, говорит, тебя просил, не надо. А я чувствую, что не все отошло. Что еще чего осталось. Ну, я пошла до мамы, с горем пополам, взяла две банки сгущенки, выпила их, и все. Вылетели остатки».

«А как сгущенка помогает?»

«А она сладкая, видимо, очищает. То, что даже вот коровам у нас после отела надо обязательно дать ведро сладкой воды. Потому что мало ли, вдруг если кто-то ударил, и может быть место приросшее. Обязательно надо. Тут в аптеке, получается, из-под полы, таблетки, и они стоят – одна таблетка полторы тысячи. Я пошла в аптеку, она мне не продала, Ладогина. Потому что, говорит, срок уже порядочный. Ну ладно. Один не дал, другой не дал. Ну я, короче, делала какую-то смесь трав. Заваривала пижму, лавровик, еще че-то. А сейчас-то вот думаю, так я же могла так напиться, что открылось бы кровотечение, и меня бы уже отсюда не спасли. Потому что у нас маму увозили, у нее кровотечение открывалось, то ли после родов она что-то сделала, что-то, видимо, тяжелое подняла. Старшей сестры муж ее сопровождал, ездил. Она мне, мама, постоянно говорит – ты у нас обезбашенная. Ты че задумала, до того ты и дойдешь. Ты, говорит, Вера, бываешь такая спокойная, но если тебя расщекотить, это

же будет пирожок. Я же тебе говорю, в тот раз с Марковой схватилась, я тебе говорю – чикаться я буду?»

(Вера говорит о Марковой, которая отчитала ее за опоздание к машине, а опоздала Вера потому, что возила сына на обследование, и на десять минут задержалась).

«Я бы, может, и не стала бы, – это опять про аборт, – потому что, получается, я его уже отправила на вахту. Мы с Сашей уже, получается, знали, но вообще я предположить не могла, я думала, чисто теоретически, ну друзья да друзья. Бывало, что они придут, посидим компанией, поугораем. А тут приходит одна девчонка, сейчас уехала, говорит: «Срок большой?» – «Да порядочный уже». Говорит: «Делай аборт, у него другая». Я говорю, в смысле другая? Она показывает фотографии, все эти переписки, как они переписываются, че она ему пишет, че он ей».

«А где показывает, на телефоне?»

«Ну. Она, видимо, у нее как-то взяла, видимо, они там как-то общались между собой. Все, я потом пошла, ему позвонила, говорю, все. Сюда можешь не тыкаться. Ну я-то просто сказала ему, чтобы он не ездил, у меня другой. Я говорю, ты живешь со своей Лизаветой Васильев-ной, я говорю, у меня другой, говорю, все. Я говорю, мы с тобой друг другу больше никто. И еще потом он, получатся, приехал, собрал свои документы. Меня он не видел, ребенка он не видел, тут же обратно уехал, в тот же день.

И все, потом отправил он мне две тысячи. И записку. Что, мол, типа, чтобы с Ваней поговорить. Я Ване говорю – будешь разговаривать, он говорит – нет. Свете говорю – будешь, она говорит – нет. Ну и ладно, я че, силой буду заставлять детей? Ну и все, потом, слышу, он там сошелся навроде бы с ней. Мы пошли с Сашей в сельсовет, сюда, звонить. Я говорю: «Ты где?» – «Я на работе». Я слышу, ребяташки пицчат. А у нее шесть ребяташек и двое в дет-доме. «А че у нас на работе-то дети-то делают?» «Да это,

мол, в телевизоре». Я говорю, ты мне хоть лапшу-то на уши не вешай, я что, совсем не разбираю, телевизор или нет, говорю, они практически чуть ли не кричат: «Папа Коля!» И он тут – чик, а голос слышу, женский. Орет: «Ах ты, тварь поганая!» И чик, он отключился.

Ну ладно, отключился, мы уже вышли с Сашей, пошли. Аленка выскакивает из сельсовета – Вера, говорит, иди, там тебя какая-то баба. Я подхожу. Она такая: «Вы Вера Сергеевна?» Я говорю, да, а вы кто? Потом, такая, говорю: «А, Елизавета Васильевна?» Она такая: «Да. Че, мол, типа, звонишь, что, уже соскучилась?» Я говорю, я вообще-то звоню по его просьбе, он хотел с ребенком поговорить.

Ну и все, она как понесла, как психанула, я говорю ей: «Да забери ты этого пидараса! Вот забери, говорю, он мне на дух не нужен». Она говорит: «Он не пидарас. Он нормальный мужик, просто ему нужна была нормальная баба». Как с меня полезло! Поговорили, все замяли, он попросил вещи, я ему вещи отправила с Ивановой. Ладно. Через месяц он мне с Ленкой Пороховой говорит, ты, мол, моей бывшей передай, что у меня, мол, тачка, перстни, цепочки, все такое. Машинально неделя проходит, слышу, все. Браслеты. Накинули браслеты».

Вера заводит руки за спину, показывая, как накидывают «браслеты» – наручники.

«Потом спрашиваю, тут разговор-то пошел, а Валька Перевалов, они жили в Голубове, одноклассник его отсюда, получатся. Жили в Голубове, тут вот с Юлей нашей тоже кого-то поругались, уехал. Ну и потом, я говорю, за че загремел, че, за че посадили – так вот эта баба его заваляла мужика, оставила двух ребятишек [сиротами]. Она убила, а он на себя это все взял. И сейчас срок мотает, на строгом. Свидетелей-то нету, она свидетель один-единственный, они были вдвоем. И следствие ничего не раскрыло, его посадили, он уже три года сидит.

Я его тут спросила, тебе еще сколько чалиться-то? Он говорит, я не знаю. Я говорю, как не знаю, ты на строгом режиме сидишь, тебе по-любому приговор вынесли на суде. Я говорю, ты че тешишь-то? Ты че на суде трепался, что у тебя где-то там двое детей и у них мать-алкашиха, ты что, меня имел в виду в алкашихи записать? Я говорю, ты меня лучше не трогай.

Я надеюсь, когда ты освободишься, не будет вот этого вот – я там ребенка заберу или еще че-то. Он мне говорит, нет, такого не будет. Как он мне сказал: ты должна ходить гордо, грудь вперед, с гордо поднятой головой, что ты родила Боре Кибальчишу сына. Я говорю, ты знаешь, какой же я была дурой, когда с тобой вот сошлася. Мне вот даже стыдно, что я от тебя родила ребенка. Мне стыдно, что у него такой папаша.

А он говорит, нормально вышло. Ну, они же с Сашей хорошо общались, дружили, даже на рыбалку вместе ездили. Он мне говорит, нормально, вообще, живем красиво – я, мол, остался говном, а лучший мой друг стал хорошим папой.

Да, я говорю, так Саша не гоняет меня по ночам за бутылкой по селу! Ночью и не поднимает, и не бьет, как ты это делал. Как я с ребятишками скиталась по всей деревне. Я за эти восемь лет, что с тобой прожила, я вот так натерпелась.

По телефону говорила с ним... Саша, правда, ничего не знает про это. Мне в прошлый раз, я была в Голубове, просто скинули смской его номер, я просто хотела попросить, чтобы он мне отказную дал от ребенка, чтобы он отказался. И, получатся, он, Саша, увидел эту смску, там написано прямо: Кибальчиш. Он два дня со мной не разговаривал. Ты что, я перед ним и так и эдак, все, Саша, я говорю. Если он узнает, что я с ним разговаривала, это будет все».

Сын Ваня сидит здесь же – ест рисовую кашу. Вера продолжает:

«У него папаша был такой же, как с малолетки зашел на тюрьму, так всю жизнь в тюрьме. Так и убили. Из-за телефона якобы. Ну, убили, конечно – изуродовали вообще. Я приехала на опознание, я была в шоке. Ему восемь ножевых, здесь, тут, получатся, лоб молотком проломлен, рот вот так вот разрезанный, вообще ужас. И плюс подожгли, он обгоревший. Рука одна, нога одна обгорела. На проволоку так наши в Голубове приделали. Что ты!

Так у меня, во-первых, не было такого предположения о морге – я посмотрю по телевизору, морги там приличные. Ну, тут-то настроилась, а мне-то еще говорит этот, патологоанатом, тебе, может быть, не стоит на такое смотреть. Я говорю, в смысле? Ну я тогда, говорит, возьми нашатырного с собой. Ну и зашли. У меня-то предположение, что там коридоры, и лежат вот эти вот, жмурики. Заходим сразу – бац. Он на полу лежит. Весь такой обгоревший. Но че вот, знаешь, у него на груди была выколона икона: сколько ходок, столько куполов – церковь. И они не обгорели. Вот все вокруг обгорело, а вот это вот осталось, вообще вот даже, даже волоса вот не поплавились. Ведь лежит обуглившись, а вот грудь вот, где вот это-то вот выколоно, даже ни грамма. Даже вот глаза обуглившись прямо вот эти вот».

Вера возвращается мыслями к бывшему мужу:

«Мне мама говорит, ты как восемь лет с ним прожила, тебе книгу можно написать. Я говорю, если только боевик какой-нибудь. У нас, я говорю, вот у нас, Света у меня, я вообще вот – это че мы, получатся, с Кибальчишом сошлись, ей было полтора года.

Она его папой не называла. Мы восемь лет с ним жили. Всяко-разно, я ее даже пробовала подкупать. Я покупала ей жилетку у Белых. Серую такую, наверх ли или

под низ – нет. Она ее даже не одела. Я говорю, смотри, он тебе купил жилетку, называй его папой – нет. Она плакала, она даже в учебнике не читала слово «папа». Вот Тарахтенкова, которая сейчас его учит, – Вера показывает глазами на сына, – она меня вызывала по этому поводу. А почему, говорит, у вас ребенок не читает это слово? Плачет, говорит, но не будет.

И вот мы сошлись с Сашей, Ваня, он как-то сразу начал, а когда вот она сказала, это девять лет я от нее не слышала этого слова.

Вот в этом доме, который напротив рощи, мы там жили. И там, получатся, две половины, мы в этой половине, а ребяташки там. И слышу, Ваня кричит: папа, спокойной ночи, я – ладно. Потом, слышу, Света кричит. Я думала, мне показалось. Я Саше говорю, я говорю, это че сейчас было? Он говорит, че, Света сказала: «Папа, спокойной ночи».

У меня такая истерика открылась, я так плакала. Я этот день никогда не забуду.

И Кибальчиш мне еще тут говорит – хороший он был. Я говорю, надо было относиться к ребенку как положено. Если мы с Сашей сошлись, он на пилораме работал, так он на обед идет, они летят, они его облепят, он их тащит оттудова, с горы, на руках. И до сих пор вот она – что мама, что Света, даже если он вот пришел домой пьяный, чтобы я на него голос повысила? Да ни за что в жизни мне никто не дает этого сделать. А так – это не жизнь. С одним пять лет, со Светиным отцом, потом восемь лет. У Светы вообще останется, наверно, с детства отпечаток о нем. Она, даже если я завожу тему, она сразу говорит – мама, замолчи. Даже не поднимай. Просто она сразу это все вспоминает. Мне даже один раз пришлось постригаться чуть ли не налысо. Когда из-под ружья мы по-пластунски ползали по полю, вот в этих липуч-

ках. И под ножом, и под ружьем я была, и под топором. И под лезвием даже, не поверишь.

Из этих восьми лет самое большое мы год наберем не пьяный. С вахты приезжал домой – он эти десять дней дома квасил. На вахту он уезжал, ну, там, может, не пил какое-то время – там начальство. Но все равно они втихушку скрадывали. А одному не пьется. Он, бывало, даже заставлял меня. Вот садится и начинат: «Ты меня не любишь, ты не уважаешь. Сейчас, если ты со мной не будешь пить, я подниму всех детей, они будут сидеть».

И ночью за бутылкой также – разбудит в три, в четыре часа ночи: «Иди неси бутылку». Никто не будет спать, пока я не принесу бутылку. Вот и идешь, со слезами, долбишься в каждый двор, лишь бы только взять, ради детей, чтоб дети были спокойны. А если он домой еще пьяный, да откуда-нибудь пришел. Все. Мы сразу собирали манатки, только слышим, что он идет, – через окошко выпрыгивали. В огороде в теплице прятались – и где только ни прятались. К маме придет он – если там я, у мамы, он окошки вышибал.

С Ваней-то мы постоянно, они в этой половине, а мы в той половине. У меня там уже было готово, под кроватью теплые шубы настелены. Я этого в охапку и все, только услышу, что долбится, я его хватать. А там та половина не отапливается. Вот, сына туда, в эти куртки закутаешь, а он заходит, так походит, а ты лежишь. Вот сейчас если он найдет, вот и лежишь, трясешься. А если он находил – сразу цветешь потом, как майская роза.

Он мне один раз на Калганке – переносица-то сломанная, – Вера трогает переносицу. – Сейчас морозы вот начнутся... [будет чувствоваться]. Сломал переносицу. Сгустки аж летели с носа. И было бы за что – я бы даже не против. Просто он шел, с Ваней на руках, а тут в Нахаловке, как из Нахаловки выезжаешь, лесочек такой, типа

площадочка, и дом стоит. И я туда заскочила в туалет, машинально, и тот пьяный шел рядом. Че-то праздник какой-то был, мы в лесу тут сидели. И ему прибрелось, что я сбегая от него. И он тут залетел, я даже не успела штаны одеть. Он меня реально вот так сгреб, как дал, – Вера показывает кивком головы, ударил ее в переносицу головой. – И я обвалилася. И начал пинать. Хорошо, заорали вот Зюечка Марысьева да Маргаритка – услышали. Сбегали за Гришкой.

Гришка его и топил в Ангаре, и что только ни делал – я думала, утопит. А мы огородами, всяко-разно. Так я вызвала ментов, сняла побои. А че толку: менты приехали, он им пару щук копченых дал, и они замяли дело. Ишо мне же штраф выписали – полторы тысячи. Сейчас вот вспомнила: открывала карту – ну брала вот в больнице для Вани, – нет, ну я думала, что Боря жестокий человек, ну вырос без матери, как говорится, без отца. Но до такой степени, чтобы ребенку в жопу насыпать перца, – извини-подвинься.

И так же я ездила билася, и еще меня же чуть на пятнадцать суток не посадили. За ложные показания. Потому что у него хирург, видите ли, ничего не нашел.

А пилы-то – «Урал». Он ее дергает, а этого заставлял палец с подсвечник пихать, оттудова ток шел. Они приехали, эту пилу фотографировали. И мне же пятнадцать суток чуть не вклепили».